

«Познал я истину простую...»

Михаил Турбин

Россия

Чтоб сказать о России умело,
Нужен слог, что предельно высоко.
Нужно чувство вложить между строк,
Чтобы радость в нем нежно звенела.

Перед ней я в огромном долгу,
Долг растет, но, скажите на милость,
Как она в мое сердце вместилась? –
До сих пор я понять не могу.

Там и высь ее, ширь и стихия,
И живой говор многих наречий.
У меня расправляются плечи
При одном только слове «Россия».

Никуда от него мне не деться,
Вот же он – теплый берег родной,
Словно в жаркий день влез с головою
В речку чистую светлого детства.

Что сказать? – я России служу
Тем, что предками мне предназначено.
Третий Рим во мне, вся азиатчина!
Всем, что было и есть, дорожу.

Ожидание (1944 год)

Временем стертые слова изначально,
В трещинах скорбные даты на плитах.
Женщина ходит с глазами печали
Мимо крестов и могил позабытых.

Стали ей снится на кладбище чаще
Птицы забвения, белые, черные...
Стали светлее на лужках дрожащих
Тени густые и блики узорные.

Слухи все чаще ползут из столиц:
Скоро в тиши зазвенят колокольни,
Храмы наполнятся добрыми лицами.
Видеть, что в душах творится, доколе?

Пастыри в ватниках едут степенные,
Поезд уже приближается к Воле...
Даль глухотная, рельсы военные,
Стуки колесные, долгие-долгие.

Видятся женщине лики иконные,
Чудо свершилось в мышлении Сталина...
Тяжесть креста в ее годы преклонные
Чувствуют плечи, а в сердце –
проталина.

«Дух»

Смех – основа здоровья и база,
А не гоголь веселый над придурью.
Снова чьи-то мозги до отказа
Озабочены бешеной прибылью.

И глаза еще больше расширены
На чужое – на общее то есть.
В закоулке последней извилины,
Как мышонок, запряталась совесть.

И печалится шут, что «Россия
Обнищала, зато не тупая...»
И о том же безродный вития
Цицеронит среди красноречивых.

Все они – свояки пухлощекие,
Так сказать, головное ядро...
Могут вывернуть зло и пороки
И пустить в обиход, как добро.

И витай, «ядром» разогретый,
Этот дух тошнотворно-елейный...
В отношении публики этой
Прав был вождь мавзолейный!

Когда-нибудь

Кислотные дожди, дымы горящей
дряни...
Не продохнуть ни мошке, ни слону.
Когда-нибудь беспечные земляне
Замусорят, как Землю, и Луну.

Мы озабочены потребностями тела,
Слабеют языки духовного огня.
«Мир красота спасет!» – ужасно надоела
В серьезном разговоре болтовня.

Как штамп влетает истина в уста,
И не дойдет никак до остолопа,
Что в мире существует красота
Для совершенства духа, а не трела.

И создавать придется мир иной,
Им будет править любящее сердце.
И, может быть, под мусорной Луной
Влюбленным будет трудно засидеться.

Наши старушки

Жесткие годы, нестройные мысли,
Спор яростный наш не утих.
Старушек безропотных я бы причислил
За ласковость к ликам святых.

За труд непомерный в лихие години,
Когда, еле ноги влача,
Они отмечали с любовью крестины
Своих дочерей и внучат.

При виде старушек я сердце врачую,
Они есть везде, и притом
Что даже на кладбище вижу святую,
Где холмик с незранным крестом.

Где колокол белый цветка повилики
Тревожит лишь пчелка-звонарь...
Стоят пред глазами иконные лики,
Уходит душевная хмарь.

Они и Россию спасут – не мужчины –
От жадности грубой среды.
И пусть возле глаз замечашь
морщины,

Но души у них молоды.

Память лихолетья

И лики были, были и личины,
И шли цепочкой черные года...
Исчезли вдруг надежные мужчины,
Лихие мужики полезли в «господа».

Скрепят зубами работяги-
сквернословы,
Бурлит в крови загульное вино,
Осознают, что и в грядущем снова
Им лучше жить уже не суждено.

Внушают им политики речистые:
«Мы – господа, хоть вышли из избы
(Они карман еще не раз обчистят),
Богатство наше – избранность судьбы».

Распознается хвастовство их просто:
Растет, растет у нуворившей страх.
Боятся Родины, ее былого роста
И умных, протрезвевших работяг.

В пору листопада

Познал я истину простую –
В любых идеях скрыта ложь,
И не почувешь боль чужую,
Пока свою не обретишь.

Но что-то осень смотрит хмуро
И шепчет: зря не трать слова,

Пока тебе стрела амура
Внезапно в сердце не вошла.

И ты слова оценишь строже,
Хоть то, что чуют соловьи...
Стрела амура – воля Божья,
Идея Бога – вся в Любви.

И за любовь сражаться надо,
Залегло, готовится ко сну...
Как точно в пору листопада
Попала в сердце мне стрела!

Огонь

Солнце в туче, как медведь в берлоге,
Залегло, готовится ко сну.
Сядь со мною рядом на пороге,
Вместе будем слушать тишину.

Успокойся и не будь в обиде,
Мы себя от бури сберегли,
Видишь, вечер появился в виде
Полного безмолвия земли:

Лист не дрогнет, не качнется ветка,
Опустели лавочки двора.
Это ж правда – наблюдаем редко
Тишину с утра и до утра.

У тебя в глазах была зарница –
Пламенная ярость среди дня.
Я сегодня мог бы превратиться
В столб соленый, глядя на тебя.

Есть в тебе огонь, а это значит
Мне не жить без выбросов огня.
Это ж правда, ну а будь иначе,
Ты б не растревожила меня.

Угадай

Чуть забрезжили лучи –
на подходе утро,
Обозначен горизонт
цветом перламутра.

Что-то вроде эстафеты, и пока что
не светло.
Бьется бабочка ночная об оконное
стекло.

И в рассветной тишине месяц
серебрится,
И кому-то за окном звякает синица.

Вот уже кукушкин стон раздастся глухо,
Что-то ищет, не найдет птица-вековуха.

Этот стон услышал
я с нарастающим гулом,
И в раскрытое окно свежестью пахнуло.

И увидел, что лучи взяли верх
над ночью.
Свои тени бьют грачи и вгоняют
в почву.

Смотрит весело в окно солнечное око,
Жаль, кукушка, что тебе в мире
одинок.

Мир прекрасен, полбуйся на его красу,
Угадай, кому сирень я в спальню
занесу?

Рассветный час

Шагаю рано на свидание
С вопросом, быть или не быть?
Никто судьбы предначертание
Не может взглядом охватить.

Что заслужил, то и случится,
Играть нельзя ничьей судьбой,
И я не верю ясновидцам,
Не испытанным ад земной.

Но можно чутя час разлуки,
Как и последний взмах рукой.
Любовь в страданиях и муках
Предел имеет роковой.

И все ж светла моя дорога,
Кричат с рассвета петухи,
И за меня никто без Бога
Не в силах искупить грехи.

О словах

Поиски правды – основа
Жизни разумной давно.
Ныне не то уже слово,
Явно ослабло оно.

Словно народ занедужил,
Словно презрел Божий дар,
Словно совсем он не нужен,
Как залежалый товар.

Ныне Мамона на троне
Всюду являет свой лик.
Честное слово в загоне,
В моде лукавый язык.

Он, как удел негодяев, –
Совести полный отказ.
Душу язык оскверняет
Словом-уродцем подчас.

Но мы – народ словознатцев,
Мы же умелый народ.
Время пришло избавляться
От речевых нечистот.